

УДК 94(367)

Чупрына Ю.А.¹

**О ПРОБЛЕМЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА РАННЕГО
НОВОГО ВРЕМЕНИ НА ПРИМЕРЕ ПОЛЕМИСТОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ**

Санкт-Петербургский государственный университет

Chupryna J.A.

**ABOUT THE PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION OF A PERSON OF
THE EARLY MODERN TIMES BY THE EXAMPLE OF
THE POLISH—LITHUANIAN COMMONWEALTH POLEMISTS**

Saint Petersburg State University

Аннотация. На рубеже XVI—XVII вв. для православного населения Речи Посполитой встал вопрос о правах, свободах и самоидентификации в связи с появлением униатства. После принятия Брестской унии 1596 г. создаётся целый корпус работ униатов и православных, адресованных друг другу. Полемическая литература, порождённая Брестской унией, хорошо отражает не только религиозное мировоззрение человека раннего Нового времени, но и проблему самоидентификации, определения «своей» и «чужой» общности. Яркие представители православной полемики Мелетий Смотрицкий и Захария Копыстенский использовали разную терминологию для обозначения «своей» общности, в неё могли вкладываться «маркеры» происхождения, религии, языка. По-разному воспринималось и соседнее Московское государство. Оно определялось западнорусским населением Речи Посполитой либо как единая общность с ними, либо выделялось в отдельный народ. В данных вопросах многое зависело от политической ориентации самого полемиста и полученного школьного или университетского образования.

Ключевые слова: полемическая литература, самоидентификация, Мелетий Смотрицкий, Захария Копыстенский.

¹ Чупрына Юлия Алексеевна — студент бакалавриата Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Abstract. At the turn of the 16th—17th centuries there is a question of rights, freedoms and self-identification for the Orthodox population of the Polish-Lithuanian Commonwealth in connection with the emergence of Uniatism. Many works of Uniates and Orthodox, addressed to each other, were created after the adoption of the Brest Union in 1596. A polemical literature, generated by the Brest Union, well reflects not only the religious worldview of people of early Modern times, but also the problem of the self-identification, the definition of «our» and «other» community. The famous representatives of Orthodox polemics Meletij Smotrickij and Zacharija Kopystenskij used different terminology to refer to «our» community, it could be invested with feature of origin, religion, language. There was a different perception of the neighboring Moscow state of the 16th—17th centuries. It was defined by the Western Russian population of The Polish-Lithuanian Commonwealth either as a single community with them, or was defined as a separate people. In these matters, many views depended on the political orientation of the polemicist and received school or University education.

Keywords: polemical literature, self-identification, Meletij Smotrickij, Zacharija Kopystenskij.

В историографии XIX—XX вв. было принято отождествлять современные нации, возникшие в Новое время, со средневековыми этническими группами. Часть современных исследователей тоже склонна делить западнорусское население Речи Посполитой уже в начале XVII века на белорусское и украинское, т. е. происходит перенос современных рамок восприятия этих территорий на раннее Новое время. Также возникает своё Средневековье в постсоветской историографии (украинское, белорусское, русское), тем самым происходит отход от целостного восприятия Древней Руси. Эта проблема всё чаще и чаще озвучивается на международных конференциях, посвященных изучению славянских народов.

Современная историография самоидентификации западнорусского населения, да и восточных славян в целом, периода раннего Нового времени во многом направлена на изучение «национальной идеи», на пересмотр исторической памяти, переосмысление устоявшихся взглядов. Исследования зачастую носят «независимый» характер, т. е. попросту не учитываются достижения других исторических школ в изучении «постдревнерусского» периода [3, с. 30]. Есть и ещё одна проблема, связанная с тем, что исследователи ориентируются либо на Запад, либо на Восток и в зависимости от этого выстраивают своё историческое исследование. Эти два направления существуют параллельно и сложны во взаимодействии друг с другом [4, с. 149]. Современные понятия и представления о «наци-

ях» или «этнусах» часто переносятся на людей раннего Нового времени. Конечно, довольно трудно определить, что человек рубежа XVI—XVII вв. вкладывал в понятия «мы», «наш», «они», «их». Уровни самоидентификации и группы «мы» или «они» были разные: территориальные, конфессиональные, языковые, политические, исторические, культурные и т. д.

В полемической литературе, порождённой Брестской унией 1596 г. ярко встают проблемы восприятия «другого», самоидентификации, самоназвания, так как в это время появляется новая общность «униаты», которые претендуют на все те права в Речи Посполитой, которые уже имели католики и православные. Происходит замещение православной общности униатской в правовом поле, поэтому первым приходится отстаивать свои права и в полемической литературе, и на сеймах. К примеру, в 1632 году на сеймах, связанных с кончиной Сигизмунда III и выбором нового короля Владислава, виленские братчики представили «Synopsis» и «Supplementum Synopsis» с обоснованием прав православных в Речи Посполитой, которые были подкреплены историческими аргументами, апеллирующими к древнерусскому прошлому и ВКЛ. К тому же, определённое влияние оказывали Реформация и Контрреформация на православную среду Речи Посполитой, особенно на образованные слои населения.

Одними из наиболее известных полемистов рубежа XVI—XVII вв. являются Мелетий Смотрицкий и Захария Копыстенский. Мелетий Смотрицкий известен как создатель «Грамматики» церковнославянского языка (1618—1619 гг.) и как талантливый полемист первой половины XVII века. Произведения Мелетия Смотрицкого сыграли огромную роль в православно-униатской полемике, разгоревшейся после принятия Брестской унии в Речи Посполитой. Для своего времени он получил хорошее образование: сначала учился в Остроге, затем в иезуитской Виленской академии, потом его отправили в Европу, где он обучался в протестантских университетах Германии. Современники неоднозначно приняли его переход из православия в униатство в 1627 году. А последующая историография долгое время в определенной степени являлась отражением позиций конфликтующих сторон, то есть делилась на проправославную и прокатолическую/проуниатскую [7, р. 351]. В настоящее время ряд авторов старается анализировать переход полемиста в другую веру без оценочных суждений.

Вне зависимости от того, к какой вере себя относил Мелетий Смотрицкий — к православию или униатству — он называл свой народ или общность «русинами», «народ русский», «Русью». Важно разобраться в том, какой смысл вкладывался в эти термины — эт-

нический или конфессиональный? Большинство исследователей склонно видеть лишь конфессиональную составляющую, к примеру, О.Б. Неменский [5, с. 309], М.В. Дмитриев [2, с. 358], Дэвид Фрик [10, р. 356—357]. Хотя Дэвид Фрик, помимо конфессионального содержания понятия, допускает вкладывание территориального значения в термины. Действительно, в большинстве случаев в православной или униатской полемической литературе полемист обращается к религиозному сообществу, иногда к территориальному. Однако, по мнению В.Д. Боднарчука, в терминологии Мелетия Смотрицкого стоит искать и этнический смысл, а споры об этничности следует рассматривать как споры о «правах и привилегиях». Главным фактором определения «русскости» служат кровнородственные связи — «русскость» по происхождению, а не по вере [1]. Эта точка зрения тоже имеет право на существование, т. к. М. Смотрицкий недвусмысленно обращался в своих аргументах к «крови» (*Verificatia niewinnosci... S. 60r*).

Другой важный вопрос, видел ли Мелетий Смотрицкий в униатах образ «чужого», когда относил себя к православным? С одной стороны, в «*Verificatia niewinnosci*» (АЮЗР. Т. 7. Ч. 1. С. 325), «*Obrona Verificaciey*» (АЮЗР. Т. 7. Ч. 1. С. 347), «*Elenchus pism vszczypliwyeh*» (АЮЗР. Т. 8. Ч. 1. С. 597) он проводил дистанцию между православными и униатами, противопоставлял их исключительно на уровне веры: «*Plochy to Rusin, Wschodniey wiary wyznawca oblędny*» (АЮЗР. Т. 7. Ч. 1. С. 359) (плохой то русин, Восточной церкви исповедник заблудший), «*chytry ten zmyślony Rusin*» (АЮЗР. Т. 7. Ч. 1. С. 361) (хитрый этот ложный русин), «*wy nowa Rus*» (АЮЗР. Т. 7. Ч. 1. С. 379) (вы новая Русь), «*miedzy nami starożytney graeckiey religiey, Rusią, a miedzy Rusią odstępną*» (АЮЗР. Т. 8. Ч. 1. С. 597) (между нами, древней греческой религии Русью, и между вами, Русью отступною).

С другой стороны, полемист обращается к понятию «крови», что выделяет его в среде других православных и униатских богословов, которые не обращались напрямую к кровному родству. Он приводит следующий аргумент: «*Nie wiara abowiem Rusina Rusinem, Polaka Polakiem, Litwina Litwinem czyni: ale urodzenie i krew Ruska, Polska, y Litewska*» (*Verificatia niewinnosci... S. 60r—60v*) — «Ведь не вера русина русином, поляка поляком, литвина литвином делает, но происхождение и кровь русская, польская и литовская». Тем самым, мы видим, что униаты не воспринимаются полностью как нечто чуждое, полемист понимает, что они по происхождению родственны, он и продолжает их называть «русинами». Выделение униатов происходит лишь на уровне веры, поэтому можно говорить о восприятии «Руси» в качестве двусоставной общности — православной и униатской.

Теперь обратимся к представителю Киево-Печерского монастыря — Захарию Копыстенскому. Он родился в деревне Копыстино под Перемышлем в Галиции, происходил из местной православной шляхты. Получил образование в Львовской Успенской братской школе, побывал в Молдавии, Валахии, на Балканах. Жил в Киево-Печёрском монастыре, преподавал в монастырской школе на Подоле, активно занимался монастырской типографией. Его «Палинодия, или Книга обороны» написана в 1621 г., но не была напечатана в типографии в своё время. Тем не менее, существовало большое количество списков, потому к ней часто обращались другие полемисты. «Палинодия» написана против «Обороны церковного единства» Льва Кревзы, поэтому её структура повторяет труд Кревзы. Захария Копыстенский привлекает для написания «Палинодии» множество исторических и церковных источников, можно сказать, что он был на пути создания фундаментального церковно-исторического труда.

У Захарии Копыстенского в «Палинодии» самоидентификация несколько отличается от той, что мы видели у Мелетия Смотрицкого. Он использует различные самоназвания общности, которые не использовал Смотрицкий. Западнорусское население, проживающее в Речи Посполитой именуется «Малая Росия», «россы православные», «народ Российский» (РИБ. Т. 4. Стб. 321), «Русь» (РИБ. Т. 4. Стб. 894) и так далее. Эти термины могут употребляться в нескольких смыслах для обозначения всего населения вместе с Московским государством или исключительно православной общности в рамках Речи Посполитой. «Малая Росия», скорее всего, имеет греческое происхождение, этот термин активно продвигал в православной среде Речи Посполитой Иван Вишенский, который жил долгое время на Афоне. В основном, термин использовался в киевской церковной среде [8, р. 128]. Для Мелетия Смотрицкого, связанного с Вильно, термин «Малая Росия» вовсе не характерен.

В связи с тем, что Смотрицкий получил широкое образование в иезуитской школе, протестантских университетах Германии во Вроцлаве, Нюрнберге, Лейпциге, Виттенберге, он воспринял и идеи Реформации. Если Копыстенский почти не поднимает проблему славянского языка, то Смотрицкий всячески способствует внедрению славянского языка в богослужение, для этого создаёт «Граматику» церковнославянского языка (1619 г.). Трудности были в том, что славянский не считали за достойный язык. Мелетий Смотрицкий задумывал «Граматику» как школьный учебник и поставил славянский в ряды достойных языков, которыми давно считались греческий и латинский [6, р. 33]. С учётом того, что в Остроге отец М. Смотрицкого Герасим Смотрицкий принимал участие в состав-

лении Острожской Библии на церковнославянском языке, а именно написал предисловие, можно смело сказать, что происходит уверенное внедрение славянского языка в богослужение.

Также стоит отметить, что Захария Копыстенский достаточно часто обращается к образу Московского государства в контексте истории и веры. Мелетий Смотрицкий не упоминает о Москве в рамках единого исторического прошлого, но религиозное и лингвистическое единство не отрицает. Однако если полемисту необходимо перечислить народы исповедующую ту или иную религию, то он разграничивает народ Руси и Московский. Такая тенденция не свойственна Захарии Копыстенскому, у которого, если и есть разграничение, то скорее территориальное. Что касается восприятия поляков и литовцев, то эти общности воспринимаются в религиозном и лингвистическом плане как «чужое», но если речь идёт о территориальных и политических границах, то относятся в рамках Речи Посполитой к категории «мы».

Таким образом, в полемической литературе рубежа XVI—XVII вв., порождённой Брестской унией, отражаются проблемы самоидентификации западнорусского населения Речи Посполитой. Существовало большое количество самоназваний для западнорусского населения, однако в православной интеллектуальной среде мы не находим таких национальных понятий, как «украинский» или «белорусский», которые бы перекладывались на всё территориальное пространство «Руси». В рассматриваемом историческом периоде использовалась иная терминология, которая была тесно связана с историческим прошлым и плавно вытекала из древнерусского наследия. Также полагаем, что говорить о формировании чёткого образа униатов в качестве «другого» или «чужого» рано. Полемист, который олицетворяет человека раннего Нового времени, находился в рубежном состоянии, некоем смятении, и он пытался понять, как воспринимать и называть представителей новой конфессии. Полемист понимал чёткие различия между католической и православной верой, но униатство воспринималось ими как что-то среднее, неестественное, новое. Раннее Новое время отмечено периодом переосмысления представлений о «своей» и «чужой» общности, новыми вызовами, на которые «русскому» народу пришлось искать ответы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Т. 7. Ч. 1. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. С. 279—442.

2. Архив Юго-Западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Т. 8. Ч. 1. Киев: Лиго-типогр. Акц. Об. Н.Т. Корчак-Новицкого, 1914. С. 597—673.
3. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 4. СПб.: Тип. и Хромолитография А. Траншеля, 1878. Стб. 313—1200.
4. Smotrycki M. Verificatia niewinnosci. Wilno: Druk Bractwa Św. Ducha, 1621. 74r—74vs.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боднарчук Д. В. Этнокультурная идентичность населения Русского воеводства Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в.: дис. ...канд. ист. наук. СПб, 2012. 255 с.
2. Дмитриев М.В., Шпирт А. М. Идентичность Руси и «руси» в письменных памятниках украино-белорусской православной культуры XV—XVII вв.: историографические заметки // Нарративы руси конца XV — середины XVIII в.: в поисках своей истории / отв. ред. А. В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 332—383.
3. Древняя Русь после Древней Руси. Дискурс восточнославянского (не)единства / отв. ред. А. В. Доронин. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 399 с.
4. Мартынюк А.В. ««Великий раскол» восточнославянской медиевистики: семь тезисов к дискуссии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2017. №1 (21). С. 146—153.
5. Неменский О.Б. Формы русской идентичности у Мелетия Смотрицкого // *Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. Славяне и их соседи*. М.: Индрик, 2008. Вып. 12. С. 305—316.
6. Frick D. Meletij Smotryc'kyj and the Ruthenian Language Question // *Harvard Ukrainian Studies*, Vol. 9, No. 1/2. June. 1985. P. 25—52.
7. Frick D. Meletij Smotryc'kyj and the Ruthenian Question in the Early Seventeenth Century // *Harvard Ukrainian Studies*, Vol. 8, No. 3/4. December. 1984. P. 351—375.
8. Yakovenko N. Choice of Name versus Choice of Path: The Names of Ukrainian Territories from the Late Sixteenth to the Late Seventeenth Century // *A laboratory of transnational history: Ukraine and recent Ukrainian historiography* /ed. by Georgiy Kasianov and Philipp Ther. Budapest, New York: Central European University Press, 2009. P.117—148.

REFERENCES

1. Bodnarchuk D. V. Ehtnokul'turnaya identichnost' naseleniya Russkogo voevodstva Rechi Pospolitoi v kontse XVI — pervoi polovine XVII v.: dis. ... kand. ist. nauk. SPb, 2012. 255 s.
2. Dmitriev M. V., Shpirt A. M. Identichnost' Rusi i «rusI» v pis'mennykh pamyatnikakh ukraino-belorusskoi pravoslavnoi kul'tury XV—XVII vv.: istoriograficheskie zametki // *Narrativy rusi kontsa XV — serediny XVIII v.: v poiskakh svoei istorii* / otv. red. A. V. Doronin. M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2018. С. 332—383.
3. Drevnyaya Rus' posle Drevnei Rusi. Diskurs vostochnoslavynskogo (ne)edinstva / otv. red. A. V. Doronin. M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2017. 399 s.
4. Martynyuk A. V. ««Velikii raskoL» vostochnoslavynskoi medievistiki: sem' tezisov k diskussii // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. SPb., 2017. №1 (21). S. 146—153.
5. Nemenskii O. B. Formy russkoi identichnosti u Meletiya Smotritskogo // *Vlast', obshchestvo, kul'tura v slavyanskom mire v Srednie veka. Slavyane i ikh sosedi*. M.: Indrik, 2008. Vyp.12. S. 305—316.
6. Frick D. Meletij Smotryc'kyj and the Ruthenian Language Question // *Harvard Ukrainian Studies*, Vol. 9, No. 1/2. June. 1985. P. 25—52.
7. Frick D. Meletij Smotryc'kyj and the Ruthenian Question in the Early Seventeenth Century // *Harvard Ukrainian Studies*, Vol. 8, No. 3/4. December. 1984. P. 351—375.
8. Yakovenko N. Choice of Name versus Choice of Path: The Names of Ukrainian Territories from the Late Sixteenth to the Late Seventeenth Century // *A laboratory of transnational history: Ukraine and recent Ukrainian historiography* /ed. by Georgiy Kasianov and Philipp Ther. Budapest, New York: Central European University Press, 2009. P.117—148.

Рецензент:

Дворниченко А. Ю., д-р истор. наук, профессор, заведующий кафедрой истории России с древнейших времён до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета